

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

СЧАСТЬЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ*

© 2000 г. И. А. Джидарьян

Канд. философских наук, старший научный сотрудник ИП РАН

С позиций ценностного подхода исследуются нравственно-психологические основания счастья на уровне обыденного сознания. Рассматривается специфика счастья в соотношении с другими фундаментальными человеческими ценностями. На основе эмпирического материала раскрывается ценностная структура современных представлений о счастье, даются нравственно-психологические портреты (образы) счастливого и несчастливому человека, прослеживается эмоциональное отношение человека к тем, кто оценивается и воспринимается им как наиболее и наименее счастливый. Выделен и проанализирован ряд различий в представлениях о счастье по гендерному основанию.

Ключевые слова: счастье–несчастье, ценность, ценностные ориентации, убеждения, обыденное сознание, житейские представления и образы.

Среди многочисленных определений счастья одно из самых лаконичных предлагает толковый словарь Вл. Даля. Счастье понимается им как “желанная насущная жизнь” [2, с. 371]. Это определение от многих других отличается не только своей предельной краткостью, граничащей с афористичностью, но и выделением ценностной характеристики и сущности счастья, хотя самого понятия ценности в нем нет. Ценностная сущность счастья акцентирована здесь в термине “желанный”, который по своему смыслу означает лично-отно привлекательное, субъективно значимое и высоко оцениваемое качество индивидуальной жизни. В соответствии с этим общим смыслом, желанная жизнь может быть определена как жизнь добрая, достойная, совершенная, которая приносит удовлетворение: к ней стремятся, о ней мечтают. Это качество и есть сущность счастья как ценности, если использовать этот более емкий научный термин, соответствующий категориальному аппарату современной науки.

Ценность как некая значимая для личности реальность, востребованная в процессе взаимодействия человека с миром, в психологическом плане выступает прежде всего в виде конкретных идеалов и жизненных целей, инициирующих и направляющих активность субъекта. Возможность реализовать эти идеалы, цели, личные желания и тем самым привести в соответствие желаемое и насущное лежит в основе счастливой жизни. В свою очередь, человек счастлив в той мере и постольку, поскольку воспринимает собственную насущную жизнь как желанную, отвечающую требованиям и стандартам своего ценностного сознания.

При ценностном подходе к проблеме счастья сразу же возникает вопрос о его специфике в соотношении с другими фундаментальными человеческими ценностями, такими, как любовь, добро, истина, свобода и т.д. В решении философской сути этого вопроса наибольшую популярность, в том числе и на уровне обыденного сознания, получила идея абсолютной ценности и верховенства счастья во всей иерархической структуре ценностного сознания личности. Согласно этой идее, счастье – не просто одна из ценностей, наряду с другими, и даже не одна из самых фундаментальных и ведущих, а как бы метаценность, подчиняющая и определяющая собой все другие. Как писал Ламетри, “кто нашел счастье, тот все нашел” и ему уже не о чем больше мечтать и к чему-то стремиться. С позиций своей исключительной и всеобъемлемой сущности счастье определяется, в одних случаях, как “наивысшее благо” (Аристотель) и то “единственное, о чем следует заботиться” (Вольтер), в других, – как “конечная цель человеческих усилий” (П. Сорокин) и “стремление стремлений” (Л. Фейербах), и даже как высшая степень морали, критерий ценности для всего остального (Л. Фейербах). К этим утверждениям примыкает и представление о самодостаточности и самообоснованности счастья, которое никогда не может быть средством ради чего-то другого, а всегда только – самоцелью.

Одновременно с этими утверждениями о наивысшей ценности и самообоснованности счастья в многовековой истории этого понятия выдвигались и прямо противоположные суждения, например, о ненужности и даже вредности счастья (Ницше, Флобер), о неправомочности рассматривать его в качестве цели жизни (Дж. Ст. Милль и др.) или каких-либо других мотивационных структур личности.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, код проекта 98-06-08023.

Давний философско-теоретический спор сторонников и противников взглядов на ценностную сущность и специфику счастья лишний раз свидетельствует о том, что на уровне высоких абстракций и предельных обобщений не всегда оказывается возможным опровергнуть или сделать убедительным для оппонента тот или другой тезис. Неразрешенным остается по существу и вопрос о том, является ли ценность счастья доминирующей и определяющей все остальные, или такая главенствующая роль принадлежит ценности любви, морали, пользы или какой-то еще. Дискуссии по этим вопросам продолжаются и в наши дни [5]. Однако мы не собираемся включаться в этот давний философский спор, тем более при такой общей постановке вопроса. Как известно, в отношении философских систем и так называемых “вечных” вопросов, к которым в первую очередь относится, конечно, и счастье, многое зависит от выбора исходных точек отсчета, от мировоззренческих установок и идейных позиций авторов этих систем, на которые огромное влияние оказывают соответствующая им историческая эпоха, особенности менталитета и общественных нравов страны, ее культурные и духовные традиции и т.д., которые бессмысленно опровергать или обвинять в научной неправомочности.

В то же время вопрос о ценностной специфике счастья может иметь свое конкретное научное решение, если включить его в предмет исследования ценностных ориентаций и ценностной структуры сознания личности. В рамках таких эмпирических и экспериментальных исследований акцент ставится уже не на проблеме счастья как ценности самой по себе в ее абстрактной и внеличностной сути, а на ценностном содержании и конкретных ценностях счастья реальной личности с их различными конфигурациями и индивидуально-типологическими характеристиками.

Поэтому в предпринятом нами эмпирическом исследовании, результаты которого обсуждаются в настоящей статье, проблема ценности счастья была переформулирована в конкретно-психологическую проблему репрезентации счастья в обыденном сознании и анализировалась на уровне житейских представлений, знаний, образов, чувств и т.д. Для обыденного сознания – и это важно подчеркнуть – характерно прежде всего то, что оно выступает преимущественно как эмоционально-оценочная и ценностная система, включающая в себя как мудрость здравого смысла, так и “логику чувств”, и опирающаяся на опыт повседневной будничной жизни с ее мирскими заботами и нравами, “обиходными” (А.М. Панченко) формами культуры и общения, каждодневно решаемыми житейскими проблемами и текущими делами.

По форме организации и методическим разработкам проведенное нами исследование ценностной структуры и специфики счастья в обыденном сознании пересекается с некоторыми эмпирическими концепциями личности, в частности, интеллекта, хотя по своему первоначальному замыслу и основным исходным позициям оно является вполне самостоятельным.

В этой связи следует отметить, что ни в зарубежной, ни тем более в отечественной психологической литературе нам не известны работы, посвященные неформальным теориям счастья, в которых на эмпирическом или экспериментальном материале анализировались бы содержание и ценностная структура того обыденного человеческого счастья, о котором мечтают и к которому стремятся люди в своей реальной повседневной жизни. Поэтому мы не могли на что-то конкретно ориентироваться, дабы иметь возможность сопоставить наши данные с результатами других аналогичных исследований. В подавляющем большинстве исследований западных ученых, специализирующихся на проблематике счастья, проблема его содержательно-мотивационного вектора и ценностной направленности специально не выделяется, не всегда учитывается и, как правило, недооценивается.

На наш взгляд, такая недооценка явно ограничивает возможности и задачи психологических исследований, поскольку главным для них оказывается не субъект счастья во всей полноте и реальности своих жизненных проявлений и отношений к миру, а только фактор счастья и его диагностика. Тем самым из сферы анализа неправомочно выпадает целый пласт информации, имеющий нередко существенное значение для интерпретации полученных эмпирических данных.

В этом убеждает и опыт наших собственных эмпирических исследований. Например, при изучении проблемы счастья и его влияния на поведение и активность личности в трудных жизненных ситуациях [3] мы столкнулись с фактами, которые трудно было объяснить, не привлекая к анализу мотивационные и ценностные ориентации личности как субъекта счастья. В частности, оказалось, что при выборе некоторых стратегий и способов совладающего поведения (coping behavior) решающее значение имеет не просто формальный показатель (фактор) счастья, но и его содержательно-мотивационный вектор. Эти факты, как впрочем и многие другие данные, свидетельствуют о научной значимости проблемы содержательно-ценностных оснований счастья для разработки психологической теории счастья и о необходимости выделения ее в специальный предмет теоретико-эмпирических исследований. Некоторые теоретические положения и подходы к ее анализу были уже рассмотрены в одной из наших последних публикаций [4]. Здесь приводят-

ся и обсуждаются результаты эмпирической части исследования¹.

При определении задач данного исследования мы исходили из предположения о том, что на уровне обыденного сознания существует некая эталонная система представлений о счастье, в соответствии с которой происходит оценка не только себя, но и других людей по критерию "счастливый-несчастливый". Задача состояла в том, чтобы: во-первых, выявить содержание и ценностную структуру этих представлений, их индивидуально-типологические особенности; во-вторых, соотнести эталонные (идеальные) представления о счастье с конкретным образом счастливого человека; в-третьих, определить целостный и прежде всего нравственно-психологический облик не только счастливого, но и несчастного человека, каким он видится сквозь призму индивидуального сознания и обыденного опыта наших современников; в-четвертых, выделить гендерные различия по некоторым из обозначенных выше позиций.

МЕТОДИКА

В исследовании участвовало 94 человека: 43 мужчины и 51 женщина. Больше половины из них, а именно – 54 человека – студенты вузов, средний возраст которых не превышал 22 лет. Респондентов старше 40 лет было всего трое.

В соответствии с поставленными задачами нами было разработано три типа опросников, каждый из которых решал не только свои собственные проблемы, но дополнял и уточнял другие.

Опросник № 1 был составлен таким образом, чтобы выявить концептуальные (идеальные) представления о том, что конкретно для каждого респондента означает счастье и имеет наибольшее значение для оценки себя как счастливого человека. Эти данные были основными для задач исследования, с которыми сопоставлялась, уточнялась и дополнялась вся другая информация. При отборе и формулировании содержания каждого из 16-и включенных в него утверждений-дескрипторов мы опирались на два источника.

Во-первых, на результаты контент-анализа ответов 48-и испытуемых на вопрос о том, как они понимают счастье и что для них важно иметь, сознавать или чувствовать, чтобы быть счастливыми в жизни. Ответы на этот вопрос в форме свободных высказываний и в письменном виде были получены нами при проведении второго этапа нашего предыдущего исследования, на которое мы уже ссылались. Анализ ответов показал, что лишь в немногих случаях испытуемые ограничивались выделением только одной какой-то мотивационно-ценностной позиции при обосновании счастья. Причем по своему содержанию ответы в этих случаях носили очень общий характер. Например, "достичь поставленных целей", "просто радоваться жизни", "иметь все, что хочу" и др. Что касается большинства ответов, то в них, напротив, счастье связывается одновременно с несколькими жизненными установками, начиная от желания добиться "хорошей успеваемости и успешной сдачи экзаменов", "иметь много разных и новых ощущений", "не испытывать материальных затруднений" и до возможности "чувствовать осмысленность своего существования, видеть реальную значимость и плоды своей деятельности" (Сергей, 18 лет, студент).

Несмотря на широкий разброс мнений и заметные различия в понимании счастья, в ответах испытуемых были выделены некоторые наиболее типичные взгляды и представле-

ния о ценностных основаниях счастья, которые и легли в основу данного опросника.

Во-вторых, при составлении этого основного для нас опросника кроме собственных эмпирических данных были использованы также материалы многочисленных интервью, мемуарная и автобиографическая литература, публичные высказывания наших известных соотечественников о себе и своей жизни, о пережитых ими состояниях не только радости и большого счастья, но и не менее горьких разочарований и страданий.

Кроме пунктов, непосредственно связанных с представлениями о счастье и счастливой жизни и раскрывающих разные стороны и аспекты счастья, в опросник № 1 были дополнительно включены самооценочная шкала счастья и два контрольных вопроса, направленных на уточнение некоторых личностных особенностей респондентов как субъектов счастья.

В отличие от первого опросника, два других были ориентированы не на выявление ценностей счастья в их эталонной (идеальной) представленности в сознании индивида, а в преломлении к личности реального человека. Поэтому они содержат определенный набор таких нравственно-психологических качеств и жизненных установок человека, на основании которых можно составить целостный облик как наиболее счастливого (опросник № 2), так и наименее счастливого человека (опросник № 3). Инструкция предоставляла респондентам самостоятельный выбор такого человека из числа своих знакомых, в отношении к которому по 5-ти бальной шкале оценивался весь представленный в опросниках набор личностных качеств и ценностных ориентаций.

Наряду с первичной обработкой и контент-анализом эмпирических данных, в исследовании были использованы и статистические методы. Последние включали в себя факторный анализ, на основе которого была определена ценностная структура счастья (опросник № 1) и структура личностных качеств счастливого (опросник № 2) и несчастного человека (опросник № 3). Одновременно с факторным проводился и корреляционный анализ для установления связей между различными проявлениями счастья по всем трем опросникам. С целью уточнения гендерных характеристик счастья и определения значимых различий между мужчинами и женщинами использовалась процедура сравнения значений Т-теста для парных выборок.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Представления о счастье и их ценностная структура

По данным исследования счастье в представлениях людей связывается прежде всего с терминальными ценностями, выражающими основные личностные убеждения, принципы и цели жизни. В то же время круг "причастных" к нему ценностей достаточно широк и затрагивает разные стороны бытия и мироощущения человека. Поэтому главная задача на этом этапе исследования состояла в том, чтобы выявить иерархические связи и соотнести представленные позиции по их значимости для личности, и этим обозначить общую ценностную структуру счастья в обыденном сознании.

Анализ результатов исследования показывает, что в системе представлений о счастье абсолютный приоритет принадлежит ценности любви ("любить и быть любимым"), семьи ("семейное благополучие, когда есть взаимопонимание и теплые отношения родных и близких") и радости жизни ("умение радоваться жизни и тому, что имеешь"). Их средние показатели составили со-

¹ В сборе и первичной обработке эмпирических данных принимала участие Е.В. Антонова.

ответственно 3.70, 3.63 и 3.38 балла по шкале с диапазоном значений от 0 до 4. К этим трем наиболее значимым ценностям счастья непосредственно примыкают, с минимальным отрывом друг от друга, еще четыре, связанные с самореализацией и ощущением полноты жизни (3.23), осознанием своих связей и нужности другим людям (3.21), личностным ростом (3.20) и потребностью смысла жизни (3.18).

На уровне минимальных значений, напротив, определилась только одна позиция. Это фатализм, убеждение и вера в предопределенность судьбы и счастья (1.67). Самые низкие оценки фаталистических представлений по сравнению со всеми другими дают основание говорить о том, что вопреки распространенному мнению, наши соотечественники сегодня совсем не склонны полагаться на чудо, везение, благосклонность судьбы и удачного случая в вопросах счастья, а больше – на самих себя и собственные силы.

Оценочные рейтинги всех других восьми утверждений (из 17) определились на среднем уровне значимости (от 2.5 балла и выше). Причем четыре из них (называем в порядке убывания) – “наличие конкретных целей в жизни и их реализация”; “человеческая порядочность и спокойная совесть”; “способность управлять и быть “хозяином” собственной жизни”; “материальное благополучие и возможность приобрести то, что пожелаешь” – заметно сдвинуты к полюсу верхних значений, а четыре другие, напротив, к нижнему. К этим последним относятся следующие позиции: “поиск, устремленность в неизведанное, острота борьбы и радость одержанной победы”; “душевное спокойствие, умиротворенность, внутреннее равновесие и гармония с самим собой”; “престижная работа, успех, положение в обществе” и, наконец, “развлечения, удовольствия и наслаждения сегодняшнего дня”.

Как видим, гедонизм и наслажденчество в ценностной структуре счастья вопреки нашим ожиданиям получили достаточно низкие значения (2.48), которые уступают только фатализму как абсолютному “аутсайдеру” в этой структуре.

Кроме гедонизма, не столь высокими, как это можно было ожидать, учитывая новые социально-нравственные и экономические отношения, сложившиеся в современной российской действительности с их духом соперничества и культом внешних престижных благ, оказались оценки такого фактора, как “престижная работа, успех, положение в обществе” (2.53). По значимости для счастья они, по нашим данным, пока уступают многим другим духовным ценностям и состояниям личности, в том числе и таким, как умиротворенность, душевное спокойствие, внутренняя гармония и согласие с самим собой (2.57).

Таким образом, счастье как ценностная структура сознания имеет четко выраженную ориента-

цию на ценности личного благополучия (любовь, семья, радость) и потребности самореализации, которые образуют как бы два ее вершинных образования. Специфика этой структуры в том, что представленные в ней ценности не распределены равномерно по двум полюсам значимости, а в большинстве своем тяготеют к полюсу верхних значений. Причем, одна их половина представлена в зоне максимальных, другая – средних значений, и практически отсутствует, за одним лишь исключением, полюс наименьших значений.

Сопоставительный анализ мужской и женской выборки выявил ряд различий в представлениях о счастье по гендерному признаку. Статистически значимые различия ($p < 0.5$) обнаружались по таким трем главным ценностям, как любовь, семья и радость жизни. Именно этим важнейшим гуманистическим ценностям межличностного взаимодействия и эмоционально-личностных отношений – и особенно чувству любви – отводится в структуре “женского” счастья существенно более высокая роль, чем мужского. Кроме этих статистически достоверных различий можно говорить и о других, хотя и менее выраженных предпочтениях к тем или другим факторам счастья у мужчин и женщин, на которые указывают данные средних значений балла. К уже отмеченным выше можно также добавить еще и большую склонность женщин осознавать и чувствовать смысл своей жизни, в то время как мужчины отдают предпочтение таким факторам, как “везение, фортуна, судьба”, “поиск, устремленность в неизведанное, острота борьбы и радость одержанной победы”, а также наличию конкретных целей и активным действиям по их реализации.

В отличие от вышеназванных, в статусе самых нейтральных, т.е. в равной мере представленных в содержании как “женского”, так и “мужского” счастья, оказались параметры: материальный достаток, гедонизм, потребность быть кому-то нужным, возможность приносить пользу людям, сознание полноценности своего существования и некоторые другие.

Анализ ценностной структуры счастья, основанный на показателях средних значений балла, был в дальнейшем расширен и дополнен факторным анализом. Это диктовалось тем, что для задач исследования важно было определить не только доминантные, иерархические отношения между представленными ценностями счастья и соответствующее распределение их по уровням значимости (вертикальный срез), но и смысловые, содержательные связи, объединяющие их в отдельные блоки или факторы (горизонтальный срез).

С этой целью была проведена факторизация опросника, позволившая определить его внутреннюю дифференциацию и смысловую структуру. После варимакс-вращения выделились шесть базисных факторов, на которые приходится 63% от

общей дисперсии. Каждый фактор включает от 4 до 2 пунктов.

Первый фактор (20.8%) был назван "целе-смысловым", поскольку ведущими для него стали такие ценностные установки, как "иметь конкретные цели..." (.72) и "видеть смысл жизни..." (.70). Одновременно с ними в этом факторе представлены еще две позиции: "реализация себя как личности" (.66) и "нравственная порядочность, чувство спокойной совести" (.57). Это дает основание предположить, что в сознании наших респондентов целе-смысловая составляющая счастья выступает в одной паре с ценностями самореализации и нравственной зрелости.

Второй фактор (11%) однозначно определился как фактор "семьи и любви", включив в себя в качестве основных ценностей "семейное благополучие" (.82) и потребность "любить и быть любимым" (.79). Самым интересным в содержании этого фактора показалось нам то, что семья и любовь объединились в нем с "осознанием полноценности своего существования" (.53). Поэтому можно предположить, что в обыденном сознании современного российского общества чувство полноценности жизни связывается не столько с понятиями смысла, духовности, самосовершенствования, или с целями высокого общественного и гражданского звучания, как мы привыкли думать еще совсем недавно, а с ценностями индивидуально-личностными, связанными с эмоциональными межличностными отношениями и семейной жизнью.

Третий фактор (9.1%) объединил прежде всего две позиции, имеющие материально-прагматическую направленность. Это, во-первых, "успех, престижная работа, положение в обществе" (.82) и, во-вторых, "материальное благополучие; возможность приобрести то, что пожелаешь" (.72). Прагматическую направленность имеет, на наш взгляд, и такая установка личности (также вошедшая в этот фактор), которая выражается в позиции "мне важно, чтобы было не хуже, чем сейчас" (.53).

Четвертый фактор (8.7%) правомерно назвать "фактором радости". С одной стороны, это "просто умение радоваться жизни и тому, что имеешь" (.71), а с другой, это особое состояние радости, связанное с "поиском нового, устремленностью в неизведанное и с риском одержанной победы" (.66).

Пятый фактор (7.2%) ориентирован на ценности "душевного равновесия, умиротворенности и внутреннего спокойствия" (.78). Одновременно с ними в этот фактор вторым пунктом вошли и ценности гедонистического содержания, но с отрицательным знаком (-.61), выражая тем самым оппозицию душевному спокойствию и внутренней уравновешенности личности.

Наконец, последний, шестой фактор (6.2%), также представлен двумя пунктами, которые объединяет общность выраженных в них позиций и ценностных оснований. Во-первых, в нем пред-

ставлена позиция человека сильной воли, "сознающего ответственность за собственную судьбу, способного влиять на ход и события своей жизни" (.70), для которого, во-вторых, важно не благополучие само по себе, не довольство наличным и тем позитивным, чем уже обладаешь на сегодняшний день, а принципиальная установка и стремление к тому, "чтобы было лучше, чем сейчас" (.59).

2. Счастливый и несчастливый человек в образах и прототипах сознания

Счастье как ценностная структура сознания, согласно нашей основной исследовательской гипотезе, выступает не только в форме идеальных представлений, своеобразного эталона, включенного в оценочные системы личности, но и в форме прототипов, олицетворяющих эти представления в образе конкретных людей. Насколько эти две формы обыденного сознания совпадают друг с другом? И если они не совпадают, что представляется вполне логичным, то в чем состоят эти расхождения и чем они объясняются?

Для ответа на эти и подобные им вопросы были проанализированы данные, полученные по результатам опросников № 2 и № 3. Сами опросники, как уже отмечалось, включали в себя не только характеристики человека как личности, его социально-нравственные и другие качества, но и некоторые более широкие жизненные установки и особенности образа жизни в целом. Это давало возможность сопоставить их с данными первого опросника, определить некоторые расхождения или совпадения, связанные с "реальным" и "идеальным" счастьем.

Придерживаясь уже принятой выше схемы анализа, нам важно было прежде всего выделить основные доминирующие качества как в личности счастливого, так и несчастливого человека, и представить в соответствии с ними общую характеристику и эмоциональную тональность этих образов в восприятии оценивающего их лица.

Самыми значимыми, а, следовательно, и наиболее типичными для счастливого человека оказались такие личностные качества, как общительность (3.47) и доброжелательность (3.40). Высокие значения вслед за ними получили также оптимизм (3.28), готовность прийти на помощь (3.28), уверенность в себе (3.22), уровень притязаний (3.22), порядочность (3.18), целеустремленность (3.14), благополучие в семье и личной жизни (3.13), ощущение смысла жизни (3.04). Самыми низкими оценками, напротив, были отмечены религиозность (1.78), скромность (2.20), привычка жить сегодняшним днем (2.27). К этому же ряду нетипичных качеств правомерно отнести еще и "стремление к внешнему успеху и престижу", а также прагматичность. Не отличает сколько-нибудь заметно "счастливых" от всех других людей и то, что принято называть "везением", "удачливостью", "благосклонностью судьбы" (2.32).

Показатели средних значений в отношении ряда позиций по всем трем опросникам с диапазоном значений от 0 до 4 балла

Представления о счастье	Счастливый человек	Несчастливый человек
1а. Любить и быть любимым 3.70	Благополучие в семье и личной жизни 3.13	Благополучие в семье и личной жизни 1.50
1б. Семейное благополучие 3.63		
2. Видеть смысл жизни и следовать ему 3.18	Видит смысл жизни 3.04	Не видит смысла жизни 1.94
3. Быть порядочным человеком и не испытывать "угрызений совести" 2.96	Порядочный 3.18 Честный 3.00 Справедливый 2.96	Честный 2.34 Справедливый 2.17
4. Материальное благополучие, возможность приобрести то, что пожелаешь 2.74	Материально обеспеченный 2.68	Материально обеспеченный 2.07
5. Иметь конкретные цели и активно действовать ради их реализации 2.71	Целеустремленный 3.14 Настойчивый 2.96 Хочет многого достичь 3.22	Живет без определенных целей 2.12 Настойчивый 2.23
6. Важны успех, престижная работа, положение в обществе 2.53	Стремится к внешнему успеху и престижу 2.46	Нацелен на успех 2.15
7. Иметь развлечения, жить радостями и наслаждениями сегодняшнего дня 2.48	Любитель повеселиться, испытать все удовольствия жизни 2.94 Живет сегодняшним днем 2.14	Любитель повеселиться, приятно провести время 2.36 Живет сегодняшним днем 2.27
8. Везение, судьба, фортуна, а не собственные старания и усилия 1.67	Удачливый; многое в жизни дается ему легко и без больших усилий 2.32	В жизни не везучий 2.14

Тем самым, в вопросе о фатализме, связанном с предопределенностью судьбы и счастья, концептуальные (идеальные) представления о счастье, о которых говорилось выше, и суждения о счастливом человеке из реальной жизни полностью совпадают друг с другом, поскольку и в том и в другом случае фатализму отводится примерно равное и одинаково низкое место.

В отличие от названных, многие другие качества личности счастливых людей являются умеренно выраженными и оцениваются на среднем уровне значимости (2.50 балла и выше).

Оценивая характеристику личности счастливого человека в целом, можно сказать, что в ней четко выражена тенденция к завышению оценок по большинству пунктов опросника, которые заметно превышают средние значения балла, но сами не очень отличаются друг от друга.

При описании несчастливой личности наблюдается прямо противоположная тенденция, связанная не с завышением, а, наоборот, с некоторым занижением оценок также по большинству пунктов опросника. Для сравнения отметим, что средние показатели у несчастливых распределились от 2.68 до 1.50 балла, в то время как у счастливых они составили 3.47 и 1.78 балла. Причем, если у счастливых почти половина пунктов опросника превышает 3-х балльную оценку, то у несчастливых ни один из них не достигает этого показателя.

Такое различие в механизмах оценивания "счастливых" и "несчастливых" дает нам основание предположить, что образ счастливого человека представлен в структурах обыденного сознания ярче, определеннее, чем несчастливый. И это понятно, если учесть, что счастливые люди больше выделяются из своего окружения, они более заметны и интересны для других, их личность и жизнь притягивают внимание своей привлекательностью и заманчивостью, являясь часто примером подражания и объектом неизбежных сопоставлений и сравнений с самими собой.

Согласно рейтинговым значениям основных ценностей счастья, которые обсуждались в предыдущем параграфе, в описании несчастливых людей также самые низкие значения получил пункт "благополучие в семейной и личной жизни" (1.50). Напомним, что в системе представлений о счастье любовь и семья имеют высший ценностный приоритет, и он подтвердился, как видим, при оценивании несчастливых людей как самых неблагополучных в личной и семейной жизни, хотя в отношении счастливых людей такого четкого приоритета у этой ценности обнаружено не было. Поэтому можно говорить о "разрыве" между концептуальными (идеальными) представлениями и их реальным воплощением в жизни, поскольку даже у тех людей, которые воспринимаются и оцениваются как самые счастливые, эти ценности не реализованы в полной мере. Любовь и семья представляют, пожалуй, один из на-

ибо более нереализованных идеалов счастья в нашем современном обществе.

Кроме “семейного и личного благополучия” очень низкими показателями оцениваются у несчастливых людей их религиозность (1.69), беспечность (1.87), а также – и это важно подчеркнуть – потребность смысла жизни (1.94) и чувство оптимизма (1.96). Все эти характеристики и личностные качества, выявленные в нашем исследовании как самые нетипичные для образа несчастливого человека, в целом соответствуют, за исключением, пожалуй, только религиозности, традиционным представлениям, в том числе и тем, которые отмечают в зарубежных исследованиях.

Менее традиционным выглядит другой ряд качеств, относящийся к самым типичным, ярко выраженным характеристикам и чертам их личности. Среди них на первом месте оказались доброта (2.68) и трудолюбие (2.59), т.е. наиболее важные и социально привлекательные качества в нравственном облике человека вообще. Кроме них, в число лидирующих на третью позицию выдвинулась и такая черта характера, как общительность (2.53). Высокая ее оценка представляет большую неожиданность, поскольку общительность, как и экстраверсия в целом, обычно относится к характеристике счастливых людей, как самая выраженная для их личности характеристика [1, с. 68; 10].

Общительность действительно является ярко выраженной и, возможно, самой типической чертой их личности, что подтверждается также результатами и нашего исследования. Но это не означает, что она является и тем главным признаком, который отличает счастливых людей от несчастливых. Как будет показано ниже, главное их различие связано не с общительностью, а с некоторыми другими личностными качествами.

Кроме трех вышеназванных, относительно высоко оцениваются у несчастливых людей и такие человеческие характеристики, как общая образованность, эрудированность и внешняя красота. В отношении красоты и физической привлекательности следует заметить, что их обычно больше связывают с образом счастливого, чем несчастливого человека [1, с. 172], хотя, по нашим данным, они оцениваются у тех и у других примерно одинаково.

Что касается большинства других качеств, по которым оценивалась личность несчастливого человека, то их правомерно отнести к группе умеренно выраженных характеристик, хотя в целом они имеют несколько заниженный от среднего балла (2.50) показатель значимости, в отличие от счастливых, у которых он, напротив, несколько превышает его. В этой группе самые низкие значения имеют (называем по возрастанию): эгоистичность (2.01), материальный достаток (2.07), физическое здоровье (2.10), наличие вредных привычек (2.14), а также целеустремленность

(2.15), невезучесть (2.14), ориентация на успех (2.15), а выше – гедонистические установки (2.36), привычка жить сегодняшним днем (2.27), включая и такие черты характера, как обидчивость (2.28), осторожность и боязнь риска (2.36), конфликтность (2.17) и др.

Приведенные характеристики личности счастливого и несчастливого человека и их сопоставительный анализ по всем трем категориям качеств дают возможность ответить на вопрос о том, какие из этих качеств больше всего отличают этих людей друг от друга. Главным из них является, бесспорно, чувство оптимизма и связанная с ним вера в лучшее будущее. Кроме оптимизма, счастливые люди отличаются от других также уверенностью в себе, целеустремленностью, наличием смысла жизни, наконец, благополучием в семейной и личной жизни. Самыми “нейтральными”, с этой точки зрения, т.е. в равной мере характеризующими как одних, так и других, являются: религиозность, скромность, привычка “жить сегодняшним днем”, романтизм, осторожность и боязнь риска и др.

Итак, результаты исследования показывают, что на уровне обыденного сознания и практики повседневной жизни образ несчастливого человека не связывается с какими-либо чертами социальной ущербности или личностной непривлекательности. Скорее, наоборот, ему приписываются высокая нравственность и социально-этическая зрелость. И в целом он воспринимается как человек добрый, трудолюбивый, достаточно скромный и справедливый; в нем нет сколько-нибудь выраженного эгоизма и беспечности, тем более привычки “грести жар чужими руками”. И только готовность на “самопожертвование ради долга и высокой цели” оценивается достаточно низко (2.10).

Насколько объективны эти оценки и действительно ли представленный на их основе нравственно-психологический облик несчастливого человека соответствует действительности – сказать с полной уверенностью мы, конечно, не можем. Однако не вызывает сомнений тот факт, что характеристика этих людей является в целом доброжелательной и сочувственной, в ней нет выраженных проявлений негативизма, тем более социального остракизма (неприятия), которые нередко отмечаются западными исследователями применительно к своим странам.

Об этой особенности русского менталитета мы уже писали, анализируя культурно-исторические традиции, связанные с представлениями о счастье в самосознании нашего народа [3]. Продолжая разработку этой темы, нам важно было иметь конкретные эмпирические данные, способные подтвердить/не подтвердить, а также дополнить и уточнить эти представления применительно к современной российской действительности и ее гражданам.

С этой целью в настоящем исследовании было предусмотрено специальное задание, которое предлагало испытуемым не только вспомнить и описать самого несчастливому, но и охарактеризовать чувства, которые он у них вызывает. Аналогичное задание выполнялось и по отношению к счастливому человеку.

Исследование показало, что первое задание оказалось более сложным, чем второе. Так, если трудности с выбором счастливого человека возникли только у троих испытуемых, то уже 18 испытуемых, или 17% из их общего числа, не смогли вспомнить несчастливому человека, хотя при этом большая их часть охарактеризовала чувства, которые вызывают у них несчастливому люди вообще.

Можно было бы, конечно, попытаться объяснить заметную сложность первого задания по сравнению со вторым просто тем, что счастливых людей в нашей жизни больше (или больше они представляются такими, что в данном случае не имеет принципиального значения), чем несчастливому. Однако вопрос задания был умышленно сформулирован в такой форме, чтобы минимизировать возможное влияние фактора численного преимущества одних людей над другими на результаты ответов, если это влияние действительно существует. Поэтому мы склонны связывать возникшие трудности с выбором несчастливому человека не столько с объективными, сколько с субъективными причинами и, прежде всего, с проявлением той же самой закономерности, о которой мы говорили ранее, высказав предположение, что образ несчастливому человека недостаточно четко отрефлексирован в структурах обыденного сознания и является эмоционально менее значимым, внешне хуже "узнаваемым".

Анализ содержания ответов на поставленный вопрос показал, что больше всего несчастливому человек вызывает чувства сострадания и сочувствия (44%). Причем, многие хотели бы оказать ему какую-нибудь помощь, в частности, поддержать морально или посодействовать в конкретных делах (28%). Нередко в ответах высказывается и осуждение (18%), которое чаще всего мотивировалось тем, что эти люди сами виноваты в своей несложившейся жизни. И лишь очень немногие сказали, что испытывают чувство презрения и личную неприязнь или что этот человек им в принципе безразличен и у них нет к нему каких-либо определенных чувств (6%). В то же время в ряде случаев испытуемые указали на свои самые теплые отношения, связанные с чувствами любви и симпатии к человеку, которого они считают несчастливому, и даже хотели бы быть на него похожими, поскольку он обладает рядом привлекательных для них личностных качеств (8%). Надо также отметить, что отношение к несчастливому человеку часто включает в себя сочетание самых разных чувств. Например, вместе с сочувствием

отмечается не только уважение и желание чем-то помочь, но и жалость, страх, сожаление, а при осуждении указываются также чувства раздражения, сострадания и т.д.

При определении эмоционального отношения к счастливому человеку акцент был сделан на чувствах симпатии и подражания. Высшую степень проявления этих чувств отметили 20.8%, умеренную – 41.5% из тех 91 испытуемых, которые предварительно смогли назвать такого человека. В то же время 28.6% из них сказали о своем нейтральном к нему отношении, а 6.6% выразили даже чувство негативизма и полного личного неприятия. Все эти данные, как и содержательный анализ многих ответов, дают основание сделать вывод о том, что, хотя у большинства людей образ счастливого человека и вызывает чувство симпатии и желание подражать ему, говорить о его идеализации, тем более, о некой героизации, было бы неверно.

В проблеме выбора счастливого и несчастливому человека проявляются особенности, связанные с половыми различиями. Одна из них представляется особенно интересной и даже в чем-то парадоксальной. Связана она с полом людей, выбираемых на роль несчастливому человека. Как показывают результаты исследования, эту роль предпочитают с явным преимуществом отдавать представительницам женского пола, причем независимо от того, кто осуществляет этот выбор – мужчины или женщины. Один из наших испытуемых даже вербализовал эту общую позицию, сказав, что "большинство женщин несчастны и их нужно осчастливливать". Так, в роли несчастливому человека было названо 72.2% женщин и только 27.8% мужчин, т.е. женщины воспринимаются своим ближайшим окружением как более несчастливому почти в 2.5 раза больше, чем мужчины.

В то же время, по данным наших исследований, включая и это последнее, в которых использовались самооценочные шкалы счастья и удовлетворенности жизнью, женщины являются, точнее, чувствуют себя несколько более счастливыми и удовлетворенными жизнью, чем мужчины. Такое расхождение в оценках женщин собою и другими является одним из парадоксальных феноменов российского самосознания и представляет интерес для специального исследования.

В отношении пола лица, выбираемого на роль счастливого человека, явных расхождений по этому основанию не проявляется, хотя женщин среди них все равно больше, чем мужчин, но уже в пропорции 55% (жен.) и 45% (муж). Однако это расхождение представляется нам вполне естественным, учитывая, например, демографический фактор численного преимущества женского населения в современном обществе в целом.

Другая отличительная особенность мужчин и женщин при выборе ими счастливого и несчаст-

ливого человека связана с феноменом “половой симметрии”, т.е. когда предпочтение отдается лицу своего пола. Причем это относится к выбору как счастливых, так и несчастных людей. Так, 73% мужчин из числа испытуемых отдали предпочтение мужчинам, в то время только 27% из них выбрали на эту роль женщину. Приблизительно такие же пропорции выявились и в женской выборке: в числе счастливых и несчастных людей ими было названо 70% женщин и только 30% мужчин.

Итак, концептуальные (идеальные) представления о счастье проецируются, конкретизируются и дополняются в обыденном сознании реальными образами счастливого и несчастного человека. Основу житейских представлений о счастье составляют преимущественно “терминальные”, в то время как образов – “инструментальные” ценности (по классификации М. Рокича). Основное расхождение между ними проявляется прежде всего в отношении ценности любви и семейного благополучия, а наибольшее совпадение по низкой значимости для достижения счастья такого фактора, как везение, судьба.

Главное, что отличает счастливого от несчастного человека в оценках и восприятии окружающих людей – это чувство оптимизма, а также целеустремленность и уверенность в себе. Кроме того, в обыденном сознании образ последнего менее четок, несколько “смазан”, хуже “узнаваем” и чаще связывается с женским полом, чем образ счастливого человека. В то же время счастливые и несчастные люди не являются полярными типами по большинству характеристик и практически не отличаются по своим основным социально-этическим качествам.

ВЫВОДЫ

Проведенное нами исследование дает основание сделать вывод о том, что ценностный подход в понимании и определении счастья является не только правомерным, но и наиболее адекватным применительно к структурам и формам счастья на уровне обыденного сознания.

HAPPINESS IN COMMON SENSE NOTIONS

I. A. Dzidaryan

Cand. sci. (philosophy), sen. res. ass., IP RAS, Moscow

The moral-psychological basis of happiness in common sense is studied from the positions of value approach. The specific character of happiness in relation to other fundamental human values is considered. Value structure of contemporary representations of happiness is revealed by means of empirical study. Moral – psychological portraits (images) of happy and unhappy persons are given. The emotional relation of person to other individuals perceived and evaluated as more or less happy is revealed. Gender differences in representation of happiness are revealed and analyzed.

Key words: happiness-unhappiness, value, value orientations, persuasion, common sense, common sense notions and images.

Традиционная проблема ценности счастья переформулируется и исследуется как проблема ценностного содержания и конкретных ценностей счастья реальной личности с их различными конфигурациями и индивидуально-типологическими характеристиками. В работе показано, что в отличие от других человеческих ценностей, счастье не имеет самодостаточной и самообоснованной сущности в том смысле, что содержится и как бы “проходит” через все другие ценности, “высвечиваясь” ими, являясь результатом, “побочным продуктом” их реализации.

Ценности счастья включают в себя самые разные по психологическому содержанию и предметной направленности жизненные блага и духовно-нравственные ориентации, которые определенным образом соотносены и структурированы в обыденном сознании. Основанием для этого структурирования выступают принцип значимости (иерархичности) и внутренние, содержательно-смысловые связи между отдельными ценностями. И чем полнее представлены и реализуются в жизни каждого человека его основные жизненные ценности, тем больше оснований у него быть и чувствовать себя счастливым и удовлетворенным жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргайл М.* Психология счастья. М., 1990.
2. *Даль В.* Толковый словарь. СПб.–М., 1882. Т. 4.
3. *Джидарьян И.А.* Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: ИПРАН, 1997. С. 187–223.
4. *Джидарьян И.А.* Счастье и его типологические характеристики // Психология личности: новые исследования. М.: ИПРАН, 1998. С. 67–84.
5. *Культура. Нравственность. Религия (материалы “круглого стола”)* // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 43–63.
6. *Costa P.T., McGral R.R.* Influence of extraversion and neuroticism on subjective well-being: Happy and unhappy people // J. of Personality and Social Psychology. 1980. № 38. P. 668–678.
7. *Ed Diener.* Subjective Well-Being // Psychol. Bull. 1984. V. 95. № 3. P. 542–575.